

УДК [323.1:316.4](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.97

Методические проблемы эмпирических исследований этнополитических и этносоциальных процессов в регионах российской Арктики *

© **МАКСИМОВ Антон Михайлович**, кандидат политических наук, доцент

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова РАН, Архангельск, Россия

© **ВЕРЕЩАГИН Илья Федорович**, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: zapgu@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **ЗАДОРИН Максим Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: m.zadorin@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются методические аспекты эмпирического изучения этнополитических и этносоциальных процессов в регионах современной России. Продемонстрировано, что инструментарий количественных социологических исследований межнациональных и межконфессиональных отношений следует адаптировать для отдельных крупных культурно-исторических групп регионов. Так, например, в случае с Российской Арктикой важным субъектом этнонациональной политики являются коренные малочисленные народы, в связи с чем требуется введение дополнительных индикаторов, отражающих их культурное развитие и участие в этнополитических отношениях. Инструментарий эмпирических кроссрегиональных исследований обычно предполагает измерение отдельных переменных. В статье представлена более комплексная и системная методика, основанная на идее построения интегральных индексов, агрегирующих значения множества взаимосвязанных индикаторов. В целях анализа динамики этнических компонентов социальной системы региона предложен набор категорий, посредством которых возможно описание конфигурации основных этнических акторов и характеристика состояния политических и культурных институтов. Данные категории были операционализированы для политической, социетальной и социокультурной подсистем региона, результатом чего стала система индикаторов мониторинга этнополитических и этносоциальных процессов. В статье продемонстрирован пример процедуры построения интегрального индекса качества национальной политики (nationalities policy index) на основе совокупности индикаторов, введенных авторами для измерения этнополитических процессов в регионе. В заключение работы поставлены проблемы унификации процедур измерения данных, полученных посредством разных методов из качественно различающихся источников.

Ключевые слова: этнополитические процессы, этносоциальные процессы, интегральные индексы в социологии, этнокультурное разнообразие, межэтническая консолидация, национальная политика, Арктическая зона РФ.

* Для цитирования:

Максимов А.М., Верещагин И.Ф., Задорин М.Ю. Методические проблемы эмпирических исследований этнополитических и этносоциальных процессов в регионах российской Арктики // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 97–119. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.97

For citation:

Maksimov A.M., Vereschagin I.F., Zadorin M.Yu. Methodical issues of the ethnopolitical and ethnosocial processes' empirical researches in the regions of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 97–119. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.97

Methodical issues of the ethnopolitical and ethnosocial processes' empirical researches in the regions of the Russian Arctic

© Anton M. MAKSIMOV, Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia

© Ilya F. VERESCHAGIN, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

E-mail: zapgu@yandex.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Maksim Yu. ZADORIN, Cand. Sci. (Law), Associate Professor

E-mail: m.zadorin@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article considers the methodic aspects of empirical ethnopolitical and ethno-social research in the regions of the modern Russia. It is demonstrated that the tools for quantitative sociological research of interethnic and interdenominational relations should be adapted for large-scale cultural-historical groups of the regions. E.g., in the case of the Russian Arctic, the indigenous small-numbered peoples are an important subject of the ethnic policy, which requires the use of additional indicators that represent their cultural development and participation in ethnopolitical relations. The toolkit of empirical cross-regional studies usually includes the measurement of individual variables. The article proposes a more complex and systematic methodology based on the idea of constructing integral indices, aggregating the values of a set of related indicators. To analyze the dynamics of the ethnic components of the region's social system, a set of categories is proposed, through which it is possible to describe the configuration of the main ethnic actors and the state of political and cultural institutions. The categories were operationalized for the political, societal and socio-cultural subsystems of the region, resulting in a system of indicators for monitoring ethnopolitical and ethno-social processes. The article shows an example of the procedure for constructing an integral index of the ethnic policy' quality (nationalities policy index) based on indicators proposed by the authors for measuring ethnopolitical processes in the region. In the end of the paper, the major issues for the measuring the data unification got with the use of different methods from qualitatively different sources is set.

Keywords: *ethnopolitical processes, ethno-social processes, integral indices in sociology, ethnocultural diversity, interethnic consolidation, ethnic policy, the Russian Arctic.*

Введение

Вопросы этнополитического регулирования традиционно являются одними из самых сложных в любом современном государстве, которое по определению является полиэтническим, а значит, и поликультурным. В рамках политических и научных доктрин, комплексных исследований [1, Zaikov K., Zadorin M., Tamitskiy A.; 2, Зайков К.С., Задорин М.Ю., Тамицкий А.М.; 3, Карелин В.А., Зайков К.С.; 4, Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.; 5, Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.; 6, Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.] делаются попытки по выработке «моделей», позволяющих «автоматизировать» процесс принятия управленческих решений для поддержания баланса системы. Вне всякого сомнения, одним из важнейших инструментов в этом спектре этносоциальных процессов выступает мониторинг.

К настоящему времени эмпирические исследования социально-политических процессов в российских регионах стали стандартным инструментом научного обеспечения деятельности органов власти по управлению общественными настроениями и социальными отношениями, а также прогнозирования и предупреждения рисков конфликтного

взаимодействия. При этом география исследований отечественных социологов простирается от Северного Кавказа до Поволжья и Сибири, а тематика — от собственно оценки межнациональных отношений до более широкого круга вопросов, связанных с динамикой социальной напряжённости [7, Аствацатурова М.А.; 8, Богатова О.А., Карьгин А.И.; 9, Поддубиков В.В.; 10, Степанов Е.И., Аксентьев В.А., Головин Ю.А., Куконков П.И.].

Применительно к сфере этнополитических и этносоциальных процессов (включая компоненты, отражающие содержание государственной политики) экспертами Федерального агентства по делам национальностей специально разработан методический инструментальный мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений, состоящий из трёх модулей [11, Хайкин С.Р., Бережкова С.Б., с. 98]:

- массовые репрезентативные опросы во всех субъектах Российской Федерации на основе единой системы индикаторов;
- монографические исследования в «регионах риска»;
- панельные опросы экспертов.

Такого рода единая общероссийская система мониторинга, безусловно, стала важным шагом в деле координации экспертных усилий по кроссрегиональному сравнению динамики процессов межэтнического взаимодействия. Вместе с тем, как отмечают специалисты, используемая совокупность индикаторов нуждается в дополнении, в том числе с учётом контекстуальных параметров, отражающих специфику различных регионов [12, Дробизева Л.М.]. Данное замечание соответствует реалиям, в которых развивается российский социум, а именно значительной географической, демографической, социально-экономической и этнокультурной неоднородности страны при более или менее выраженных тенденциях к унификации системы государственного управления и регионального законодательства.

Таким образом, представляется, что единая общероссийская система мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений нуждается в дополнительных методических разработках, позволяющих учесть специфику отдельных групп регионов России как своеобразной культурно-исторической целостности. К числу таких групп регионов принадлежат и субъекты РФ, составляющие вместе российскую Арктику. Задача настоящей статьи — предложить ряд методических решений и разработок для повышения аналитического потенциала эмпирических исследований в сфере межнациональных отношений.

Теоретические основания дескриптивного моделирования этнополитических и этносоциальных процессов на территориях Арктической зоны РФ

К настоящему времени имеется достаточное количество как региональных, так и обобщающих исследований социальных процессов на территориях Арктической зоны Российской Федерации (далее — АЗРФ), в рамках которых было зафиксировано состояние межэтнических отношений, включая такие их составляющие, как уровни межэтнической

напряженности и взаимной толерантности этнического большинства и меньшинств, старожильского населения и иммигрантов [13, Змеева О.В., Разумова И.А.; 14, Змеева О.В.; 15, Маклашова Е.Г., Осипова О.В.; 16, Максимов А.М., Тамицкий А.М.; 17, Опарин Д.А.; 18, Тишков В.А.; 19, Новикова Н.И.; 20, Харлампьева Н.К.].

В части, где эти исследования затрагивают этносоциальную и тесно связанную с ней этнополитическую проблематику, можно обнаружить как качественное описание ситуации, так и количественные измерения общественных настроений и оценок. Однако в последнем случае все эти работы роднит использование в основном лишь отдельных индикаторов. Именно поэтому представляется необходимым обращение к построению интегральных индексов, которые бы агрегировали значения комплекса связанных переменных и таким образом в более обобщённой форме выражали бы состояние тех или иных сторон жизни регионального сообщества. Использование интегральных индексов более удобно с точки зрения дальнейших аналитических процедур в ходе эмпирического исследования, а также концептуального осмысления его результатов. Единство же принципов построения интегральных индексов для группы регионов, принадлежащих к одной культурно-исторической целостности, даёт надёжный инструментарий для кроссрегиональных сравнений.

Описанию процедур разработки системы индикаторов и расчёта на их основе агрегированных показателей с необходимостью должно предшествовать теоретическое рассуждение о том, что стоит за понятиями этнополитических и этносоциальных процессов и отношений, формируемых ходом этих процессов. Авторы исходят из представлений о том, что указанные процессы следует интерпретировать как функции от динамики структурных сдвигов в социальной системе региона. Последняя дифференцирована на функционально взаимозависимые подсистемы, выделяемые на основе классических моделей структурного функционализма Т. Парсонса: социетальной — воспроизводства образца («социокультурная подсистема», примеч. авторов), экономической и политической [21, Парсонс Т., с. 23–32]. Типологически единые совокупности элементов этих подсистем, наиболее значимые для их воспроизводства и функционирования, выделены на основе разработок неoinституционального подхода [22, Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б., с. 56–63]. В их числе особого внимания заслуживают три типа таких элементов: ресурсы, акторы и институты.

На рис. 1 в общем виде отражена дескриптивная модель, отражающая общую структуру и связи между элементами / подсистемами социальной системы региона. Социетальная подсистема — это совокупность устойчивых ассоциаций между индивидами (социальные группы) и структуру отношений между ними. *Социокультурная подсистема* представлена общезначимыми ценностями и нормативными паттернами поведения, а также обеспечивающими их воспроизводство культурными институтами. *Политическая подсистема* состоит из институтов, обеспечивающих целеполагание и целедостижение для социальной системы в целом, а также её адаптацию к меняющимся условиям среды.

Наконец, *экономическая подсистема* включает в себя институализированные практики по производству и распределению благ — товаров и услуг, а также механизмы контроля (регуляции) этих практик [23, Парсонс Т., с. 45–54].

Под «*ресурсами*» понимаются различные по форме и происхождению (и при этом, как правило, взаимно конвертируемые) виды капитала, то есть средства, величина которых определяет шансы на выигрыш в конкурентной борьбе за власть (в широком смысле слова) в той или иной сфере человеческих взаимоотношений [24, Бурдые П., с. 15–17].

Рис. 1. Блок-схема дескриптивной модели социальной системы региона

«*Институты*» рассматриваются в данном случае в общепринятом значении указанного термина как стандартизированные процедуры социальных интеракций, обеспечивающие стабильный и предсказуемый характер воспроизводства процессов распределения различных видов капитала (ресурсов).

Под «*акторами*» подразумеваются индивиды, социальные группы или организации, способные мобилизовать ресурсы на решение задач по достижению или удержанию доминантных позиций в том или ином поле специфических социальных отношений (экономических, культурного производства, политических в узком смысле слова). Иными словами, акторы осуществляют целенаправленную деятельность, в процессе которой достигают преимуществ контроля (власти) в какой-либо подсистеме за счёт конвертации одного вида капитала в другой (например, обмен экономических ресурсов, культурного или символического капитала на политическое влияние).

При всей важности анализа экономической подсистемы региона в контексте роста / снижения межэтнической напряжённости в полиэтничной среде [25, Уолцер М., с. 71–74, 132; 26, Мукомель В.И., с. 40], с нашей точки зрения, анализ динамики межэтнических отношений, культурного развития этнических общностей и эффективности государственной национальной политики требует лишь общей экономической характеристики изучаемого региона или территории. Эта позиция объясняется тем, что нам не удалось обнаружить в научной литературе [27, Дробижева Л.М.; 28, Бредникова О., Паченков О.; 29, Кузнецов И., Мукомель В.; 30, Рязанцев С.В.; 31, Фирсов Е.Ю.], посвящённой экономическому положению народов России, эмпирических исследований, которые бы надёжно фиксировали корреляцию между этнической принадлежностью (а точнее, этнической самоидентификацией) и материальным положением. То есть границы внутри регионального сообщества, конституируемые стратификацией по признакам неравенства в уровне дохода и объёме собственности, не совпадают с этническими границами (разделением населения на группы с различной этнической идентичностью). Резонно предположить, что общие экономические условия, сложившиеся в конкретном регионе, будут формировать более или менее сходную структуру экономического неравенства для всех этнических общностей, проживающих на территории этого региона¹. Редкие исключения могут быть связаны либо с исторически обусловленным фактом компактного проживания определенной этнической группы на территории, неблагоприятной для хозяйственной деятельности или находящейся в состоянии экономической стагнации, либо с предпочтениями значительной части этнической общности заниматься традиционными (менее продуктивными и прибыльными) формами хозяйствования [32, Бугулов М.; 33, Лашов Б.В.; 34, Сирина А.А.], либо с особым культурно-бытовым укладом, какой мы можем наблюдать у некоторых групп цыган.

В связи с вышесказанным мы полагаем, что характеристики экономической подсистемы субъекта Российской Федерации выступают в качестве «фоновых факторов», который может заметно влиять на общую социальную напряженность в регионе, но при сохранении относительного постоянства экономических характеристик (стабильной «депрессивности» или, наоборот, устойчивого роста экономики) динамика межэтнических отношений и этнокультурного развития в гораздо большей степени зависит от параметров других подсистем. В случае если же в конкретном регионе этническое предпринимательство или традиционное природопользование играют значимую роль в жизни местного сообщества, то к настоящему времени разработаны методики, позволяющие измерять отдельные характеристики этих феноменов в их связи с этносоциальной ситуацией в регионе [35, Садовой А.Н., Белозёрова М.В.]. Применительно к регионам АЗРФ такая ситуация может

¹ Речь, разумеется, не идёт о трудовых мигрантах, занимающих определённые ниши в структуре регионального рынка труда, поскольку в большинстве случаев они не интегрированы в социальную систему региона. Равно принимаются во внимание и факты этнически окрашенной отраслевой специализации в сфере малого и среднего бизнеса, поскольку страта предпринимателей из числа этнических меньшинств никоим образом не репрезентирует социально-экономическое положение соответствующей этнической общности в целом.

быть полезна в случае исследования мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Что же касается урбанизированных территорий Российской Арктики, где проживает основная масса населения арктических регионов, то различные этнические меньшинства здесь представляют собой либо часть старожильческого населения, либо сезонных трудовых мигрантов. Последние слабо интегрированы в жизнь местных сообществ, а их социальные взаимодействия со старожильческим населением, как правило, ограничены сферой трудовых отношений. В связи с этим этнические группы трудовых мигрантов на арктических территориях вряд ли можно обоснованно рассматривать как коллективных акторов, влияющих на основные параметры социальной системы региона (несмотря на то, что они, конечно же, могут выступать существенным косвенным фактором межэтнической напряжённости).

Таким образом, будет рассмотрен вопрос о методических аспектах построения интегральных индексов, отражающих состояние социетальной, социокультурной и политической подсистем арктических регионов.

Интерпретация и операционализация основных категорий описания этнополитических и этносоциальных процессов

В предыдущем разделе дана интерпретация ключевых типов элементов, обеспечивающих функционирование каждой из подсистем социальной системы региона. В этом разделе конкретизируются содержательные различия между отдельными видами акторов, капиталов и институтов в рамках трёх обозначенных выше подсистем, а также предполагается вариант операционализации используемых понятий посредством введения ряда латентных переменных и соответствующих им индикаторов.

Начнём с конкретизации основных категорий в контексте функционирования политической подсистемы региона. Мы интерпретируем *политического актора* как конкретное лицо или организацию, обладающее возможностями легитимного воздействия на процесс принятия и осуществления общезначимых решений в публичной сфере. К числу политических акторов, участвующих в принятии и реализации решений по регулированию межэтнических отношений в субъекте Российской Федерации (иными словами, непосредственно участвующих в осуществлении региональной национальной политики) следует, в первую очередь, отнести региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица системы государственного и муниципального управления, совещательные и консультативные органы, политические партии и общественно-политические движения. Конкретный состав и число акторов, соотношение объёмов их политического капитала определяют значение переменной, которую условно можно обозначить как уровень плюралистичности национальной политики. При этом величина *политического капитала* каждого актора (точнее, его средний располагаемый объём на определённом интервале времени) определяется, прежде всего, официальным

статусом данного актора, совокупностью его официальных полномочий, текущим уровнем легитимности и возможностями мобилизации публичной поддержки. *Политические институты* как нормативно закреплённые, организационно оформленные и регулярно воспроизводимые способы управления социальными процессами [36, Абрамов А., с. 55] предлагается операционализировать посредством двух переменных — степенью формализации процедур управления социальными процессами² и степенью публичности организационных форм (мероприятий), опосредующих управленческий процесс. Первая переменная может быть зафиксирована через оценку качества нормативно-правового обеспечения управленческой деятельности, а вторая — через общее количество мероприятий за определённый период времени и среднюю численность их участников.

В рамках социетальной подсистемы региона, если ограничить предмет исследовательского интереса только этносоциальными процессами, действуют весьма специфические виды акторов, имеющие общее свойство — этническую идентичность как основу конструирования группы, но различающиеся численностью, развитостью социальных сетей, статусом (как интересубъективным представлением о месте в иерархии, так и официальным в некоторых случаях), представленностью интересов во властных структурах и по другим параметрам. Авторы предлагают выделять три основных вида таких акторов — доминантный этнос, этническое меньшинство, коренной малочисленный народ (в случае российской Арктики — КМНС).

Доминантный этнос — понятие, используемое как аналог вышедшего из употребления термина «титутельная нация». Под доминантным понимается такой этнос, который преобладает в рамках конкретного региона над другими этническими общностями по объёму политического и культурного капитала [37, Тишков В.А., Шабаетов Ю.П., с. 144–145]. При этом численное превосходство представителей той или иной этнической общности, разумеется, не гарантирует ни политического, ни культурного доминирования. Доминантный этнос весьма часто манифестирует свое политическое доминирование символически через использование этнонима в качестве официального наименования региона (страны), а культурное — через присвоение национальному языку статуса государственного (то есть основного либо единственного языка образования, делопроизводства и государственных массмедиа).

Вслед за Дополнительным протоколом о правах меньшинств к Европейской конвенции о правах человека *этническое меньшинство* авторами понимается как этнически гомогенная группа, политически, культурно и, как правило, численно не доминирующая на территории своего проживания, самоорганизующаяся в целях защиты своей языковой, культурной и религиозной идентичности и передачи их будущим поколениям. Этническое меньшинство может являться как автохтонным (индигенным), так и пришлым населением. При этом оно стремится сохранить специфические особенности

² В данном случае — управления межэтническими отношениями.

группы, так как они позволяют поддерживать относительную автономию от государства за счёт определённого культурного изоляционизма, а также решать локальные вопросы в рамках сообщества на основе общих ценностей и интересов³.

Как актор этническое меньшинство организационно может быть оформлено разнообразными способами: через формирование формальных структур представительства этнических интересов (национально-культурная автономия, землячество и т.п.) или поддержание неформальных сетей социальных контактов и взаимной поддержки (диаспора).

Коренные малочисленные народы в контексте изучения динамики этнополитических и этносоциальных процессов в АЗРФ в силу особенностей российского законодательства следует выделить в особую категорию акторов. Под «коренными малочисленными народами» Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации понимаются народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями⁴.

Как и в случае с этническими меньшинствами, КМНС как коллективные акторы организационно действуют посредством различного рода объединений — ассоциаций и общин.

Основным ресурсом, используемым для воспроизводства единства вышеперечисленных акторов и обеспечения солидарности и взаимной поддержки внутри этнических общностей, выступает так называемый *социальный капитал*. Он представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институализированных отношений взаимного знакомства и признания [38, Bourdieu P., с. 247]. Иными словами, социальный капитал — это категория, описывающая вовлеченность индивида в те или иные социально-коммуникативные сети, обладание и использование им своих социальных связей. Индикаторами располагаемого объёма социального капитала могут служить уровень социального доверия и социальная дистанция. Кроме того, важным фактором повышения объёма социального капитала в полиэтнической среде выступают коммуникативные компетенции индивидов — практические навыки владения языком как доминантного этноса, так и (если речь идет об этническом меньшинстве или коренном малочисленном народе) своей собственной этнической общности. В случае свободного владения несколькими

³ Recommendation 1201 (1993), Additional protocol on the rights of minorities to the European Convention on Human Rights. URL: <http://www.assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15235&lang=en> (дата обращения: 28.12.2017).

⁴ Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901765288> (дата обращения: 28.12.2017).

языками сеть социальных контактов, очевидно, расширяется, что даже при выраженной неоднородности этнического состава населения региона повышает интегрированность социетальной подсистемы и уровень межэтнической консолидации. В случае массового владения преимущественно языком своей этнической общности при плохом знании языка доминантного этноса (в том числе и государственного языка) будет наблюдаться сохранение некоторого уровня её коммуникативной изоляции.

Этническая (не)однородность, уровень самоорганизации отдельных этнических групп, социального доверия и социальная дистанция между основными этническими группами, уровень языковых компетенций, а также интерсубъективные оценки межэтнической напряжённости позволяют дать комплексную характеристику этносоциальных компонентов социетальной подсистемы региона.

Что касается социокультурной подсистемы, то в части состава акторов в её рамках наблюдаются существенные пересечения с социетальной подсистемой: те же самые общественные объединения, артикулирующие в публичном пространстве интересы и мнения отдельных этнических общностей, выступают в качестве ключевых акторов в поле культурной деятельности. Наряду с ними в качестве акторов действуют специализированные учреждения (образовательные, культурно-досуговые, музейные и другие организации). Институциональный компонент представлен не только нормативно-правовой базой культурной политики, но также культурно-массовыми мероприятиями, в том числе национальными праздниками и религиозными ритуалами.

В связи с последним необходимо выделить особую разновидность акторов, которую можно обозначить термином «*конфессиональная общность*». Под «конфессиональной общностью» мы понимаем организованную группу верующих, объединённых приверженностью особой доктрине в рамках определенной религиозной традиции. При этом этнические и конфессиональные границы не всегда совпадают, а внутри самой конфессиональной общности может иметь место смешанный этнический состав. В то же время нельзя не учитывать роль активности конфессиональных объединений в деле конструирования, поддержания и мобилизации этнической идентичности, что в контексте предмета заявленного исследовательского интереса делает значимым конфессиональный состав населения региона.

В социокультурной подсистеме доминирование тех или иных акторов обеспечивается за счет приращения *культурного капитала*. Согласно П. Бурдьё, он существует в трёх формах: инкорпорированной (the embodied state), объективированной и институализированной. В первом случае речь идёт о приобретённых «длительных диспозициях ума и тела», своеобразных культурных привычках, сигнализирующих об особенностях раннего этапа социализации индивидов. В конкретном культурном контексте эти особенности интерпретируются как признак статуса семьи, в которой происходила социализация индивида, поскольку они свидетельствуют о качестве, «правильности»

воспитания. *Объективированная форма* капитала представляет собой совокупность культурных благ (книг, произведений искусства, доступа к услугам культурных учреждений), которыми обладает индивид. Их объём и качественный состав свидетельствуют не только о степени готовности человека конвертировать экономические блага в культурные, но и о наличии навыков престижного культурного потребления. Наконец, в своей институализированной форме культурный капитал представлен официальными документами об академических квалификациях (сертификаты, фиксирующие уровень образования, наличие учёных степеней и учёных званий и т. п.) [38, Bourdieu P., с. 243–247].

Применительно к межэтническим отношениям неравномерное распределение культурного капитала фиксирует реальное неравенство возможностей представителей разных этнических общностей в освоении норм доминирующей культуры, приобретении навыков престижного культурного потребления (и общей склонности к такому потреблению), получении образования и профессиональных компетенций. Сами эти ограничения возможностей в настоящее время институционально не закреплёны. Однако этнокультурная специфика традиций воспитания, различное отношение у разных народов к ценности образования и карьеры, различия в языковых компетенциях в условиях, когда престижное образование требует владения неродным языком — все это создает предпосылки к сохранению тенденции к неравномерному распределению культурного капитала между отдельными этническими группами. В этих условиях интерес представляет анализ деятельности интеллектуалов из среды этнических меньшинств и активистов этнокультурных организаций по переопределению статуса недоминирующих этнических культур — деятельности, которую П. Бурдьё описывает в категориях борьбы за символическое господство [24, Бурдьё П., с. 78–81]. Результатом такой деятельности может стать увеличение числа учебных заведений, где преподаются языки некоторых этнических меньшинств (например, коренных народов) или же преподавание осуществляется на этих языках наряду с государственным; расширение поддержки со стороны региональных и местных учреждений культуры в деле сохранения национальных культурных традиций; появление средств массовой информации, включая финансируемые за счет средств бюджета, на языках крупнейших этнических групп, проживающих в том или ином субъекте РФ. Все перечисленное может быть использовано в качестве индикаторов состояния этнического компонента социокультурной подсистемы региона.

Подводя итог настоящему разделу, логично представить операционализацию основных категорий анализа этнополитических и этносоциальных процессов в регионах АЗРФ в виде сводной таблицы.

Таблица 1

Операционализация категорий анализа этнополитических и этносоциальных процессов в регионах АЗРФ

Категория анализа	Латентная переменная	Индикатор
Политический актор	Уровень плюралистичности национальной политики	наличие / отсутствие профильных органов исполнительной власти

		наличие / отсутствие профильных комитетов в законодательном собрании субъекта РФ
		наличие / отсутствие профильных функций у ведомств в местных администрациях
		наличие / отсутствие партийных организаций, в программах которых заявлена этнокультурная проблематика
		наличие / отсутствие общественно-политических движений этнокультурной направленности
Политический институт	Уровень публичности национальной политики	количество публичных акций этнической тематики и среднее число их участников: а) протестных, б) провластных
		наличие / отсутствие совещательных и консультативных органов по вопросам национальной политики
		доля материалов СМИ, посвященных этнополитической тематике
	Уровень формализации национальной политики	качество нормативно-правовой базы национальной политики
Политический капитал	Концентрация политического капитала	объем закрепленных в законодательстве прав и полномочий (по каждому типу акторов)
		величина кадровых ресурсов региональных органов власти и органов местного самоуправления
		число активных членов партийных организаций, в программах которых заявлена этнокультурная проблематика
		число активных участников общественно-политических движений этнокультурной направленности
Доминантный этнос	Уровень организованности доминантного этноса ⁵	количество общественных объединений доминантного этноса
		уровень представительства доминантного этноса в органах законодательной власти и местном самоуправлении
Этническое меньшинство	Уровень организованности этнических меньшинств	число и состав общественных объединений этнических меньшинств
		уровень представительства этнических меньшинств в органах законодательной власти и местном самоуправлении
		наличие / отсутствие региональных центров межкультурной коммуникации ⁶
КМНС	Уровень организованности КМНС	число и состав общественных объединений коренных малочисленных народов
		уровень представительства КМНС в органах законодательной власти и местном самоуправлении
Социальный капитал	Плотность социальных сетей	уровень межличностного доверия
		социальная дистанция
Конфессиональная общность	Уровень организованности конфессиональных групп	число и состав религиозных объединений на территории региона

⁵ Особый интерес измерение данной переменной представляет в таких субъектах федерации как республики, где доминантные этносы представлены нерусскими народами. Это обстоятельство порождает специфические различия между содержанием культурной политики (включая языковую политику и государственно-конфессиональные отношения) на федеральном и республиканском уровнях.

⁶ Например, клубов «интернациональной дружбы» и т. п.

Культурный капитал	Уровень этноконфессиональной диверсификации в образовании и культурной сфере	наличие / отсутствие школ с преподаванием на языке доминантного этноса ⁷
		доля школ с преподаванием языка этнических меньшинств
		доля школ с преподаванием языков коренных малочисленных народов
		степень разнообразия ⁸ этнических / конфессиональных праздников, отмечаемых в регионе публично
		степень разнообразия культурно-массовых мероприятий этнической / конфессиональной тематики, организуемых совместно с органами власти

Методические проблемы мониторинговых социологических исследований состояния сферы межэтнических отношений

Основные методические трудности, возникающие при разработке инструментария мониторинга этнополитических и этносоциальных процессов в регионе, можно разделить на два вида. Первые связаны собственно с методикой построения интегральных индексов, вторые — с поиском релевантных источников данных, методами их сбора и количественной обработки.

Обращаясь к проблеме построения интегральных индексов, важно отметить, во-первых, необходимость решения задачи определения границ предметной области, которую каждый конкретный индекс был бы способен охарактеризовать. Следуя вышеописанной логике теоретического анализа, предполагается конструировать отдельный индекс для оценки состояния каждой из трёх рассмотренных в предыдущем разделе подсистем социальной системы региона. Так, для мониторинга динамики этнополитического компонента политической подсистемы может быть предложен индекс качества национальной политики (nationalities policy index, или p-index); этнические аспекты функционирования социетальной подсистемы предлагается характеризовать посредством индекса межэтнической консолидации (ethnic consolidation index, или c-index); социокультурная сфера может быть отражена путем построения индекса этнокультурного разнообразия (ethnic cultural diversity index, или d-index).

Каждый индекс для своего построения требует оптимального набора переменных и соответствующих им индикаторов: он должен позволить наиболее полно и комплексно фиксировать интересующие нас параметры каждой из трёх подсистем социальной системы региона, но при этом не содержать избыточных индикаторов, то есть измерению должны подлежать только ключевые факторы изучаемых процессов.

⁷ В том случае, если доминантный этнос представлен не русскими, и, как следствие, его язык не является общегосударственным.

⁸ Значение показателя определяется путем экспертных оценок. Высоким значение показателя будет в том случае, если все наиболее многочисленные этнические и конфессиональные группы имеют возможность регулярно отмечать свои национальные и религиозные праздники.

Представленная выше операционализация основных понятий теоретического анализа в основном позволяет выделить ключевые переменные. Вместе с тем для достижения более комплексного результата может потребоваться введение дополнительных индикаторов или модификации ранее предложенных. Так, для расчёта индекса межэтнической консолидации помимо индикаторов, выделенных для измерения уровня организованности различных видов акторов и плотности социальных сетей, безусловно, необходимо учесть уровень неоднородности этноконфессионального состава⁹, а также уровень языковых компетенций членов полиэтнического сообщества, отражающего степень языковой ассимиляции¹⁰. При расчете индекса качества национальной политики наряду с индикаторами уровня этноконфессиональной диверсификации в образовании и культурной сфере следует ввести индикатор наличия / отсутствия регионального законодательства в сфере поддержки этнокультурного и конфессионального разнообразия, а также индикатор уровня отражения в массмедиа событий и явлений этнокультурного характера.

Гораздо большую сложность по сравнению с формированием системы индикаторов представляет решение задачи по приведению их к единой системе измерения. Обеспечение единства измерительных процедур облегчает расчёт значений интегральных индексов, так как в этом случае они могут рассчитываться как сумма средневзвешенных значений всех используемых индикаторов. Кроме того, это обеспечит и валидность инструментария при кроссрегиональных сравнениях, поскольку в единой системе измерения могут быть квантифицированы качественные различия регионов. Вместе с тем очевидные различия в характере источников первичных данных¹¹ и соответствующих методах их сбора вызывают известные трудности при решении этой задачи.

Обратимся к рассмотрению предлагаемых нами методических процедур расчёта вышеуказанных интегральных индексов.

Индекс качества национальной политики (p-index). В число индикаторов сознательно не были включены те, посредством которых измеряется уровень концентрации политического капитала. Во-первых, данная переменная для большинства акторов, за исключением органов власти и должностных лиц, отражает в большей мере их ситуативные, а не структурные характеристики. Во-вторых, в случае органов власти представляется трудноразрешимой проблема несводимости политического капитала профильных в сфере национальной политики ведомств к их штатному расписанию и официальным полномочиям в связи с их включенностью в межведомственное взаимодействие и курирование со стороны вышестоящих должностных лиц.

⁹ Значение рассчитывается как произведение коэффициентов вариации по двум индикаторам — этнической неоднородности (на основе данных всероссийских переписей) и конфессиональной неоднородности (на основе данных репрезентативных опросов с учётом ошибки выборки).

¹⁰ Отношение доли владеющих государственным языком или языком доминантного этноса к доле владеющих языком своей этнической группы — этнического меньшинства или КМНС.

¹¹ Государственная статистика, контент-анализ СМИ, массовые опросы, экспертные оценки и т. д.

Таблица 2

Система индикаторов для расчета интегрального индекса качества национальной политики
(*p-index*)

Латентная переменная	Индикатор	Источник данных	Шкала / единицы измерения
Уровень плюралистичности национальной политики	наличие / отсутствие профильных органов исполнительной власти (p1)	информ. ресурсы органов власти и местного самоуправления; правовые документы	порядковая, 2-х ранговая (да = 1, нет = 0)
	наличие / отсутствие профильных комитетов в законодательном собрании субъекта РФ (p2)		
	наличие / отсутствие профильных функций у ведомств в местных администрациях (p3)		
	наличие / отсутствие партийных организаций, в программах которых заявлена этнокультурная проблематика (p4.1-4.4 ¹²)	данные Минюста, программы партий	порядковая, 2-х ранговая (да = 1, нет = 0)
	оценка политической роли общественных движений этнокультурной направленности (p5)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая ¹³
Уровень публичности национальной политики	количество публичных акций этнической тематики и среднее число их участников: - протестных (p6.1), - провластных (p6.2)	контент-анализ СМИ	метрическая (в натуральных единицах, за период T)
	наличие / отсутствие совещательных и консультативных органов по вопросам национальной политики (p7)	информ. ресурсы органов власти и местного самоуправления; правовые документы	порядковая, 2-х ранговая (да = 1, нет = 0)
	доля материалов СМИ, посвящённых этнополит. тематике (p8)	контент-анализ СМИ	доля в общем массиве политических материалов СМИ (за период T, в интервале 0; 1)
Уровень формализации национальной политики	качество нормативно-правовой базы национальной политики (p9)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая

Расчёт индекса производится по формуле:

$$p\text{-index} = \sum_{i=p1}^{p3} i + \sum_{i=p4.1}^{p4.4} i + k_{p5} * p5 / N + \frac{p6.2 - p6.1}{p6.1 + p6.2} + k_{p7} * p7 + k_{p8} * p8 + k_{p9} * p9 / N,$$

где k_{pn} — весовые коэффициенты для соответствующих индикаторов, N — число опрошенных экспертов; $\frac{p6.2 - p6.1}{p6.1 + p6.2}$ — формула расчёта вектора общественно-политической активности¹⁴.

¹² Предлагается рассчитывать значения отдельно для партий, представляющих интересы разностатусных этнических общностей: p4.1 — русского народа (национально-патриотические), p4.2 — доминантных этносов (для республик), p4.3 — этнических меньшинств, p4.4 — коренных малочисленных народов.

¹³ В случае отсутствия в регионе акторов данного вида индикатору присваивается значение «0».

Индекс межэтнической консолидации (c-index). Данный индекс интегрирует значения переменных, отражающих этноконфессиональную неоднородность населения, распределение социального капитала внутри этнически структурированного пространства социальной коммуникации и степень зависимости общего уровня социальной напряженности от напряженности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. В табл. 3 представлена детальная операционализация выделенных переменных.

Таблица 3

Система индикаторов для расчета интегрального индекса межэтнической консолидации (c-index)

Латентная переменная	Индикатор	Источник данных	Шкала / единицы измерения
Степень однородности населения региона	этнический состав (с1)	данные государственной статистики	расчёт значений индикаторов производится на основе вычисления коэффициентов вариации
	конфессиональный состав (с2)	репрезентативные массовые опросы	
Равномерность распределения социального капитала (в этническом разрезе)	социальная дистанция между основными этническими группами (с3)	репрезентативные массовые опросы	Шкала Э. Богардуса
	уровень межличностного доверия (с4)		порядковая, 5-ти ранговая
Этнокультурный компонент социальной напряженности	отношение оценки уровня межэтнической напряженности (с5.1) к общему уровню социальной напряженности (с5.2)	репрезентативные массовые опросы / экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая
	отношение оценки уровня межконфессиональной напряженности (с6.1) к общему уровню социальной напряженности (с5.2)		

Расчёт индекса производится по формуле:

$$c\text{-index} = (v_1 c1 * v_2 c2) + k_{c1} * (c3 + c4) - k_{c2} * \left(\frac{c5.1}{c5.2} + \frac{c6.1}{c5.2} \right),$$

где v_1 и v_2 — коэффициенты вариации, k_{cn} — весовые коэффициенты для соответствующих индикаторов.

Индекс этнокультурного разнообразия (d-index). Данный индекс отражает в первую очередь степень институализации и публичной артикуляции этнокультурных различий, устойчивость этнических идентичностей и жесткость демаркации воображаемых этнических границ. Важнейшие индикаторы — уровни организационной оформленности акторов, выступающих референтами этнокультурных общностей региона. Для измерения этих уровней можно рассмотреть два пути. Первый из них (самый очевидный) — фиксация количества формальных общественных объединений того или иного типа акторов, представляющих доминантный этнос, этнические меньшинства и коренные малочисленные

¹⁴ В диапазоне от –1 до 1. Чем выше значение показателя, тем выше уровень одобрения национальной политики.

народы соответственно, а также списочной численности их членов. Однако следуя этим путем, мы сталкиваемся с рядом методологических и практических трудностей: во-первых, вышеуказанные количественные показатели без учёта объёма организационных, финансовых и информационных ресурсов, имеющихся у каждого общественного объединения рассматриваемого типа, не выражают в полной мере важнейшие параметры их практического влияния на этнополитические процессы и этнокультурный ландшафт: по ним нельзя судить ни о реальных мобилизационных возможностях организации в отношении той этнической общности, на артикуляцию интересов которой эта организация претендует, ни об её фактической известности среди населения, ни о масштабах и регулярности проводимых ею публичных мероприятий, масштабах развёртывания её уставной деятельности; во-вторых, решение задачи аккумуляции данных по этим параметрам ограничивается труднопреодолимыми барьерами, связанными с закрытостью части информации (прежде всего, о финансовых возможностях общественных объединений), её неполнотой в открытых источниках. В свете этих обстоятельств мы полагаем, что более продуктивным было бы следование по другому пути: выявление реального влияния на этнокультурную ситуацию в регионе со стороны тех или иных групп общественных объединений на основе экспертных оценок. В связи с этим мы предлагаем, заменить индикаторы количества этнически ориентированных НКО и численности их состава на индикатор организационно-мобилизационного потенциала этих НКО, значение которого выводилось бы на основе экспертных опросов.

Таблица 4

Система индикаторов для расчета интегрального индекса этнокультурного разнообразия (d-index)

Латентная переменная	Индикатор	Источник данных	Шкала / единицы измерения
Уровень организованности доминантного этноса	организационно-мобилизационный потенциал общественных объединений доминантного этноса (d1)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая [0; 5]
	уровень представительства доминантного этноса в органах законодательной власти и местном самоуправлении (d5)		
Уровень организованности этнических меньшинств	организационно-мобилизационный потенциал общественных объединений этнических меньшинств (d2)		
	уровень представительства этнических меньшинств в органах законодательной власти и местном самоуправлении (d6)		
Уровень организованности КМНС	организационно-мобилизационный потенциал общественных объединений коренных малочисленных народов (d3)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая [0; 5]

	уровень представительства КМНС в органах законодательной власти и местном самоуправлении (d7)		
Уровень организованности конфессиональных групп	организационно-мобилизационный потенциал религиозных объединений на территории региона (d4)		
Уровень этноконфессиональной диверсификации в образовании и культурной сфере	Языковая диверсификация в образовательной сфере ¹⁵ (d8)	данные государственных органов субъекта РФ в сфере образования	метрическая, [0; 1]
	степень разнообразия этнических / конфессиональных праздников, отмечаемых в регионе публично (d9)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая [0; 5]
	степень разнообразия культурно-массовых мероприятий этнической / конфессиональной тематики, организуемых совместно с органами власти (d10)		
Уровень правового обеспечения этноконфессиональной диверсификации	наличие регионального законодательства в сфере поддержки этнокультурного и конфессионального разнообразия (d11)	данные справочно-правовых баз регионального законодательства	порядковая, 2-х ранговая (да = 1, нет = 0)
Уровень информационного обеспечения этноконфессиональной диверсификации	доля материалов СМИ, посвященных этнокультурной и конфессиональной тематике (d12)	контент-анализ СМИ	доля в общем массиве материалов СМИ, посвященных культурной жизни (за период T, в интервале 0; 1)

Расчет индекса производится по формуле:

$$d\text{-index} = k_{d1} * \sum_{i=d1}^{d4} i/N + k_{d2} * \sum_{i=d5}^{d7} i/N + k_{d3} * d8 + k_{d4} * (d9 + d10)/N + k_{d5} * d11 + k_{d6} * d12,$$

где k_{dn} — весовые коэффициенты для соответствующих индикаторов, N — число опрошенных экспертов.

Как несложно заметить, расчёт значений индикаторов предполагает неунифицированную процедуру, обращение к различным шкалам и единицам измерения. Мы предлагаем возможным путём некоторых преобразований привести данные, полученные на основе применения различных измерительных инструментов, к единой метрике (как это показано в формуле); а вычисление весовых коэффициентов позволяет скорректировать значения отдельных индикаторов. В то же время мы сталкиваемся с рядом методических тонкостей проведения экспертных опросов, включая использование метода

¹⁵ Рассчитывается как сумма долей в общей численности средних учебных заведений региона школ с преподаванием на языке доминантного этноса, школ с преподаванием языка этнических меньшинств, школ с преподаванием языков коренных малочисленных народов (при наличии последних в обследуемом субъекте РФ).

анализа иерархий для определения весовых коэффициентов [39, Коробов В.Б., Тutyгин А.Г.]. К настоящему времени существует целый арсенал методических приемов, позволяющих повысить точность и надёжность усреднённых экспертных оценок [40, Коробов В.Б.], но их обсуждение выходит за рамки темы настоящей статьи.

В заключении отметим, что предлагаемая в настоящей статье методика расчёта интегральных индексов для измерения этнополитических и этносоциальных процессов открыта для корректировки с учётом конкретных особенностей региона АЗРФ. Вместе с тем методологические принципы, положенные в основание нашего подхода, позволяют повысить как эвристический потенциал количественных социологических исследований в рассматриваемой области, так и сопоставимость данных в рамках кроссрегиональных сравнительных исследований межнациональных и межконфессиональных отношений.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Литература

1. Zaikov K., Zadorin M., Tamitskiy A. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic // The Polar Journal. 2017. Vol. 7. № 1. P. 125–142. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1327748
2. Зайков К.С., Тамицкий А.М., Задорин М.Ю. Основы этнонациональной политики государства на примере Российской Федерации // Федерализм. 2016. № 3(83). С. 145–158.
3. Карелин В.А., Зайков К.С. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1. С. 32–41.
4. Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. В одной лодке: «Ассиметричное соседство: Россия и Норвегия» за два века // Новый исторический вестник. 2015. № 45. С. 172–182.
5. Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855 // Bylye Gody. 2016. Vol. 41. № 3. P. 629–641.
6. Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900 // Bylye Gody. 2017. Vol. 45. № 3. P. 915–927. EID: 2-s2.0-85028932118.
7. Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски. Трансформация регионального этнополитического пространства. М.: Московское бюро по правам человека, 2011. 192 с.
8. Богатова О.А., Карьгин А.И. Мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 78–88.
9. Поддубиков В.В. Многонациональный Кузбасс: региональная модель этнологического мониторинга как инструмент национальной политики XXI века // Социогуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 61–66.
10. Степанов Е.И., Аксентьев В.А., Головин Ю.А., Куконков П.И. Мониторинг социальных напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России (на примере Нижнего Новгорода и Ярославля) // Россия реформирующаяся. 2007. № 6. С. 235–253.
11. Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5(135). С. 96–109.

12. Дробижева Л.М. Межнациональные (межэтнические) отношения в России в зеркале мониторинговых опросов ФАДН и региональных исследований // Вестник Российской нации. 2017. №4(56). С. 107–127.
13. Змеева О.В., Разумова И.А. «Я решил жить здесь...»: адаптация азербайджанцев в заполярном городе в 2010-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5(142). С. 13–17.
14. Змеева О.В. Отношение жителей малого промышленного города к мигрантам // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 6(25). С. 87–97.
15. Маклашова Е.Г., Осипова О.В. Государственная национальная политика в условиях российского этнофедерализма: социологический срез (на материалах Республики Саха (Якутия)) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 28–34.
16. Максимов А.М., Тамицкий А.М. Межнациональные отношения в Архангельской области и Ненецком автономном округе в представлениях населения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 15–22. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.15
17. Опарин Д.А. «Местные» и «приезжие» на Ямале: социальные границы и вариативность миграционного опыта // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 108–130. DOI 10.17223/2312461X/14/6
18. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
19. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред. Н.И. Новикова, Д.А. Функ. М.: ИЭА РАН, 2012. 288 с.
20. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: монография / Под ред. Н.К. Харлампьевой. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.
21. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
22. Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
23. Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. С. 38–71.
24. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
25. Уолцер М. О терпимости / Пер. с англ. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс, 2000. 160 с.
26. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 32–57.
27. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.
28. Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 74–81.
29. Кузнецов И., Мукомель В. Формирование этнических ниш в российской экономике // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 1. С. 175–184.
30. Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 73–86.
31. Фирсов Е.Ю. Социальная стратификация, этничность и этнические экономики (на примере России) // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 66–77.
32. Бугулов М. Малые народы и этносы Российского Севера: совершенствование системы гос. регулирования социально-экономического развития коренных народов Севера. Магадан: МАОБ-ТИ, 2002. 170 с.
33. Лашов Б.В. Условия предпринимательства в традиционном хозяйстве коренных малочисленных народов Севера (КМНС) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 6. № 1. С. 25–43.
34. Сирина А.А. От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века. М.: ИЭА РАН, 2010. 185 с.

35. Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Индикаторы мониторинга реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: модели традиционного жизнеобеспечения и этническое предпринимательство // Научный диалог. 2016. № 2(50). С. 296–312.
36. Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53–55.
37. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2011. 376 с.
38. Bourdieu P. The Forms of Capital // J. Richardson, ed. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
39. Коробов В.Б., Тутыгин А.Г. Проблемы использования метода анализа иерархий и пути их решения // Экономика и управление. 2016. № 8(130). С. 60–65.
40. Коробов В.Б. Сравнительный анализ методов определения весовых коэффициентов «влияющих факторов» // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2005. № 20. С. 54–73.

References

1. Zaikov K., Zadorin M., Tamitskiy A. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 125–142. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1327748
2. Zaikov K.S., Zadorin M.Y., Tamitskiy A.M. Osnovy etnonatsional'noy politiki gosudarstva na primere Rossiyskoy Federatsii [The basic of ethno-national policy on the example of the Russian Federation]. *Federalizm* [Federalism], 2016, no. 3(83), pp. 145–158.
3. Karelin V.A., Zaikov K.S. Problema saamskikh servitutnykh prav v pogranichnykh otnosheniyakh Rossii i Norvegii v nachale XX veka [Sami easements in the history of Russian-Norwegian border relations in the early 20th century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 1, pp. 32–41.
4. Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. V odnoy lodke: «Assimetrichnoe sosiedstvo: Rossiya i Norvegiya» za dva veka [In a Common Boat: “Asymmetric Neighborhood: Russia and Norway” over Two Centuries]. *Novyi Istoricheskii Vestnik* [The New Historical Bulletin], 2015, iss. 45, pp. 172–182.
5. Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. *Bylye Gody*, 2016, vol. 41, iss. 3, pp. 629–641.
6. Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900. *Bylye Gody*, 2017, vol. 44, iss. 3, pp. 915–927.
7. Astvatsaturova M.A. *Severnyi Kavkaz: perspektivy i riski. Transformatsiya regional'nogo etnopoliticheskogo prostranstva* [North Caucasus: prospects and risks. Transformation of the regional ethno-political space]. Moscow, 2011, 192 p. (In Russ.)
8. Bogatova O.A., Kargin A.I. Monitoring mezhetnicheskikh i mezhekfessional'nykh otnoshenii v Respublike Mordoviya [Monitoring of ethnic and interconfessional relations in the Republic of Mordovia]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2010, no. 1, pp. 78–88.
9. Poddubikov V.V. Mnogonatsional'nyi Kuzbass: regional'naya model' etnologicheskogo monitoringa kak instrument natsional'noi politiki XXI veka [Multinational Kuzbass: regional model of ethnological monitoring as an instrument of national policy of the 21st century]. *Sotsiogumanitarnyi vestnik*, 2011, no. 2, pp. 61–66.
10. Stepanov E.I., Aksent'ev V.A., Golovin Yu.A., Kukonkov P.I. Monitoring sotsial'nykh napryazhenii i konfliktov v krupnykh regional'nykh tsentrakh Rossii (na primere Nizhnego Novgoroda i Yaroslavl'ya) [Monitoring of social tensions and conflicts in large regional centers of Russia (on the example of Nizhny Novgorod and Yaroslavl)]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia in reform: Year-book], 2007, no. 6, pp. 235–253.
11. Khaikin S.R., Berezhkova S.B. Sotsiologicheskii monitoring mezhnatsional'nykh i mezhekfessional'nykh otnoshenii Federal'nogo agentstva po delam natsional'nostei [Sociological monitoring of inter-ethnic and inter-confessional relations of the Federal Agency for Ethnic Affairs]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of

- public opinion: economic and social changes journal], 2016, no. 5, pp. 97–110. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.07
12. Drobizheva L.M. Mezhnatsional'nye (mezhetnicheskie) otnosheniya v Rossii v zerkale monitoringovykh oprosov FADN i regional'nykh issledovaniy [Interethnic (interethnic) relations in Russia in the mirror of monitoring surveys of FADN and regional studies]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of Russian nation], 2017, no. 4(56), pp. 107–127.
 13. Zmeyerova O.V., Razumova I.A. «Ya reshil zhit' zdes'...»: adaptatsiya azerbaidzhantsev v zapolyarnom gorode v 2010-e gody ["I have decided to live here...": adaptation of Azerbaijanis in northern town in 2010s]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2014, no. 5(142), pp. 13–17.
 14. Zmeyerova O.V. Otnoshenie zhitelei malogo promyshlennogo goroda k migrantam [Attitude to migrants of the inhabitants of a small industrial city]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kola Science Centre RAS], 2014, no. 6(25), pp. 87–97.
 15. Maklashova E.G., Osipova O.V. Gosudarstvennaya natsional'naya politika v usloviyakh rossiiskogo etnofederalizma: sotsiologicheskii srez (na materialakh Respubliki Sakha (Yakutiya)) [State national policy in conditions of Russian ethnic federalism: sociological cross-section (case study of the Republic of Sakha (Yakutia))]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 12, pp. 28–34.
 16. Maksimov A.M., Tamitskii A.M. Mezhnatsional'nye otnosheniya v Arkhangel'skoi oblasti i Nenetskom avtonomnom okruge v predstavleniyakh naseleniya [Interethnic relations in the Arkhangelsk region and Nenets Autonomous Area in the eyes of their inhabitants]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 6, pp. 15–22. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.15
 17. Oparin D.A. «Mestnye» i «priezzhie» na Yamale: sotsial'nye granitsy i variativnost' migratsionnogo opyta ["Locals" and "newcomers" in Yamal: social boundaries and variations of migration experience]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2016, no. 4, pp. 120–126. DOI: 10.17223/2312461X/14/6
 18. *Rossiiskaya Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* [The Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Ed. by V.A. Tishkov. Moscow, Saint Petersburg, 2016, 272 p. (In Russ.)
 19. *Sever i severyane. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii* [North and northerners. The current situation of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia]. Ed. by N.I. Novikova, D.A. Funk. Moscow, IEA of the RAS Publ., 2012, 288 p. (In Russ.)
 20. *Etnonatsional'nye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy: monografiya* [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects]. Ed. by N.K. Kharlampeva. Arkhangelsk, NARFU Publ., 2017, 325 p. (In Russ.)
 21. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Transl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva, ed. M.S. Kovaleva. Moscow, Aspekt Press Publ., 1998, 270 p.
 22. North D.C., Walliss J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history]. Transl. by D. Uzlaner et al. Moscow, Gaidar Insitute Publ., 2011, 480 p.
 23. Parsons T. Sotsial'nye sistemy [Social systems]. *Voprosy sotsial'noi teorii*, 2008, vol. II, iss. 1(2), pp. 38–71.
 24. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Transl., ed. N.A. Shmatko. Moscow, Insitute for Experimental Sociology Publ.; Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 288 p.
 25. Walzer M. *O terpimosti* [On toleration], Moscow, Ideya-Press Publ., 2000, 159 p.
 26. Mukomel' V.I. Ksenofoby i ikh antipody: kto oni? [Xenophobes and their opposites: who are they?]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2017, vol. 26, no. 1, pp. 32–57.
 27. Drobizheva L.M. (Ed.). *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'* [Social inequality of ethnic groups: representations and reality]. Moscow, 2002, 480 p. (In Russ.)

28. Brednikova O., Pachenkov O. Etnichnost' «etnicheskoi ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov [Ethnicity of the "ethnic economy" and social networks of migrants]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of economic sociology], 2002, vol. 3, no. 2, pp. 74–81.
29. Kuznetsov I., Mukomel' V. Formirovanie etnicheskikh nish v rossiiskoi ekonomike [Formation of ethnic niches in the Russian economy]. *Neprikosnovennyyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ. Debates on politics and culture], 2007, no. 1, pp. 175–184.
30. Ryazantsev S.V. Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptatsii migrantov [Ethnic entrepreneurship as a form of adaptation of migrants]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], 2000, no. 5, pp. 73–86.
31. Firsov E.Yu. Sotsial'naya stratifikatsiya, etnichnost' i etnicheskie ekonomiki (na primere Rossii) [Social stratification, ethnicity and ethnic economies (on the example of Russia)]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of economic sociology], 2004, vol. 5, no. 3, pp. 66–77.
32. Bugulov M. *Malye narody i etnosy Rossiiskogo Severa: sovershenstvovanie sistemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya korennykh narodov Severa* [Small peoples and ethnic groups of the Russian North: improving the system of socio-economic development of the indigenous peoples of the North]. Magadan, 2002, 170 p. (In Russ.)
33. Lashov B.V. Usloviya predprinimatel'stva v traditsionnom khozyaistve korennykh malochislennykh narodov Severa (KMNS) [The business conditions in the traditional economy of smaller peoples of the North]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2011, vol. 6, no. 1, pp. 25–43.
34. Sirina A.A. *Ot sovkhoza k rodovoi obshchine: sotsial'no-ekonomicheskie transformatsii u narodov Severa v kontse XX veka* [From the state farm to the clan community: socio-economic transformations among the peoples of the North at the end of the 20th century]. Moscow, IEA of the RAS Publ., 2010. 185 p. (In Russ.)
35. Sadovoi A.N., Belozerova M.V. Indikatory monitoringa realizatsii strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: modeli traditsionnogo zhizneobespecheniya i etnicheskoe predprinimatel'stvo [Indicators for monitoring the realization of strategy of Russian Federation state national policy: models of traditional life-support and ethnic entrepreneurship]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2016, no. 2(50), pp. 296–312.
36. Abramov A. Politicheskii institut i politicheskaya institutsionalizatsiya: opredelenie ponyatii [Political institute and political institutionalization: definition of concepts]. *Vlast'* [Power], 2010, no. 5, pp. 53–55.
37. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow, Moscow State University Publ., 2011, 376 p. (In Russ.)
38. Bourdieu P. The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. New York, Greenwood Publ., 1986, pp. 241–258.
39. Korobov V.B., Tutygin A.G. Problemy ispol'zovaniya metoda analiza ierarkhii i puti ikh resheniya [Problems of the analytic hierarchy process and some solutions]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and management], 2016, no. 8(130), pp. 60–65.
40. Korobov V.B. Sravnitel'nyi analiz metodov opredeleniya vesovykh koeffitsientov «vliyayushchikh faktorov» [Comparative analysis of methods for determining the weight coefficients of "influencing factors"]. *Sotsiologiya 4M: Metodologiya, metody, matematicheskie modeli* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], 2005, no. 20, pp. 54–73.